

КОНСТАНТИН
МИТРОШЕНКОВ

Культурная революция в пассажах

К выходу первого русского перевода
«Книги Пассажей» Беньямина¹

Константин
Александрович
Митрошенокв (р. 1997) –
аспирант Колумбийского
университета.

Писать о «Книге Пассажей» тяжело, потому что – вопреки названию – это вовсе не книга². Вальтер Беньямин работал над исследованием парижской культуры XIX века с 1927-го по 1940 год, но так и не закончил его. Все, что дошло до нас, – это два синопсиса (экспозе), 36 папок с выписками из источников и краткими размышлениями самого Беньямина общим объемом около 900 страниц, ряд опубликованных или по крайней мере законченных при жизни автора работ, связанных с замыслом «Пассажей». Вера Котелевская, переводившая немецкую часть рукописи, сравнивает ее с «незавершенной постройкой, храня[щей] следы становления» и «впечатляющей своим масштабом» (с. 903, 990) Чтобы не заблудиться в коридорах этого громадного сооружения, нам потребуется путеводная нить. В качестве таковой я предлагаю понятие, отсутствующее в рукописи Беньямина, но, как мне представляется, позволяющее ухватить многие центральные аспекты его замысла и воздать должное его – за-

1 Беньямин В. *Книга Пассажей*. М.: Ад Маргинем Пресс, 2026.

2 Справедливости ради стоит заметить, что такое название сочинению дали российские издатели, ориентируясь, по-видимому, на существующие переводы на другие европейские языки. Сам Беньямин не дал своему исследованию окончательного имени. Немецкая рукопись, подготовленная к печати Рольфом Ти-

ПОЛИТИКА
КУЛЬТУРЫ

мысла – политическому значению. Это понятие – культурная революция.

КОНСТАНТИН
МИТРОШЕНКОВ

КУЛЬТУРНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ
В ПАССАЖАХ...

1

В русскоязычном контексте словосочетание «культурная революция» обычно используется для описания процессов, происходивших в СССР на рубеже 1920–1930-х годов. Первую концептуализацию советской культурной революции предложила Шейла Фитцпатрик в середине – второй половине 1970-х. Основное содержание советской культурной революции, доказывала исследовательница, составляли атаки на дореволюционную интеллигенцию и стремительная пролетаризация культурных и образовательных учреждений³. Обращение Фитцпатрик к этой теме было во многом связано с событиями в Китае, где недавно завершилась собственная культурная революция, так же призванная покончить с наследием прошлого и создать новую социалистическую культуру.

Однако уже в начале 1980-х Фредрик Джеймисон предположил, что культурная революция не связана исключительно со строительством социализма и сопровождает любой переход от одного способа производства к другому. В книге «The Political Unconscious» (1981) он предлагает рассматривать эпоху Просвещения следующим образом:

«Как часть собственно буржуазной культурной революции, во время которой ценности и дискурсы, привычки и пространство повседневности *ancien régime* подвергались систематическому разрушению с тем, чтобы на их месте могли утвердиться новые способы осмысления, привычки и жизненные формы, равно как и система ценностей капиталистического рыночного общества»⁴.

В позднейшем эссе из книги «Valences of the Dialectic» (2009) Джеймисон развивает свою концепцию культурной революции. Теперь он определяет ее как «реструктуризацию коллективных субъективностей в соответствии с логикой нового способа производства» и отмечает, что эта реструктуризация происходит на двух уровнях: «создания новой культуры в узком и специализированном смысле (новой литературы, кино и так далее)

деманом, вышла под названием «Das Passagen-Werk» («Произведение о пассажирах»). См.: КОТЕЛЕВСКАЯ В. На полях «Книги Пассажей»: текстологический комментарий // БЕНЬЯМИН В. Книга Пассажей. С. 989. В дальнейшем ссылки на конкретные страницы книги даются в скобках в тексте.

3 FITZPATRICK S. *Cultural Revolution as Class War* // ИДЕМ (Ed.). *Cultural Revolution in Russia 1928–1931*. Bloomington: Indiana University Press, 1978. P. 8–40; см. также раннюю статью Фитцпатрик на ту же тему: ИДЕМ. *Cultural Revolution in Russia 1928–32* // *Journal of Contemporary History*. 1974. № 1. P. 33–52.

4 Джеймисон Ф. *Об интерпретации: литература как социально-символический акт* // Он же. *Марксизм и интерпретация культуры* / Сост. А.А. ПАРАМОНОВ. М.; Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2014. С. 58.

и трансформации культуры повседневности в более широком смысле»⁵. Расширительное понимание культурной революции сближает Джеймсона с современными историками советской культуры, которые считают кампании за «новый быт» и борьбу за «культурность» важными составляющими советской культурной революции и отказываются ограничивать ее хронологические рамки 1928–1931 годами⁶.

Как видно из этого краткого обзора, культурную революцию тяжело локализовать во времени. В отличие от революции политической, она представляет собой не событие и не череду событий (захват органов власти, свержение монарха, назначение нового правительства), а процесс. Он может как предшествовать политической революции (поэтому о Просвещении часто говорят как о явлении, «подготовившем» Французскую революцию 1789 года), так и следовать за ней, как это было в СССР или Китае. Очевидно, однако, что культурную революцию нельзя считать второстепенной по сравнению с революцией политической. Напротив, как хорошо понимали раннесоветские теоретики, новая власть нуждается во всесторонней перестройке культуры и быта, чтобы упрочить свое положение и защитить завоевания революции.

Культурную революцию нельзя считать второстепенной по сравнению с революцией политической. Напротив, новая власть нуждается во всесторонней перестройке культуры и быта, чтобы упрочить свое положение и защитить завоевания революции.

Беньямин своими глазами наблюдал ход советской культурной революции во время поездки в Москву зимой 1926–1927 годов. В своем «Московском дневнике» и написанном по возвращении в Берлин эссе «Москва» он обращает внимание на ее внутренние противоречия, вырастающие из социальной структуры послереволюционной России. Страна, большую часть населения которой составляют малограмотные или вовсе негра-

5 JAMESON F. *Cultural Revolution* // ИДЕМ. *Valences of the Dialectic*. London; New York, 2009. P. 267.

6 См.: Дэвид-Фокс М. *Что такое культурная революция?* // Он же. *Пересекая границы: модернизм, идеология и культура в России и Советском Союзе*. М.: Новое литературное обозрение, 2020. С. 221–279. Впрочем, Фитцпатрик тоже признавала необходимость рассматривать события 1928–1931 годов в более широком контексте и указывала на альтернативную ленинскую модель культурной революции, предполагающую постепенное построение социалистической культуры, а не ее форсированное насаждение. Согласно Фитцпатрик, и до «великого перелома», и после него советская культурная политика проводилась в соответствии с этой моделью (FITZPATRICK S. *Cultural Revolution in Russia 1928–32*. P. 38; ИДЕМ. *Cultural Revolution as Class War*. P. 8–11). Ленин изложил свой взгляд на культурную революцию в заметке «О кооперации» (1923) и отчасти в работе «Государство и революция» (1917).

мотные крестьяне и рабочие, не может сразу совершить скачок к социалистической культуре – сначала необходимо приобщить широкие массы трудящихся к «сокровищам мировой культуры». Проблема в том, что установка на «окультуривание» масс приводит к некритическому усвоению буржуазной культуры, как исторической («освоение классики»), так и современной (западные фильмы и книги). В то же время авангардные эксперименты, как раз направленные на преодоление буржуазного наследия и создание новой социалистической культуры, не встречают особого понимания у руководства партии, отдающего предпочтение более традиционным художественным формам⁷. Как предполагает Сьюзен Бак-Морс, именно увиденное в СССР убедило Бенямина в следующем:

«Захват политической власти и национализация экономики являются необходимыми условиями социалистических трансформаций, но не гарантируют их и что до тех пор, пока советское правительство будет подавлять культурные инновации, достижения политической революции будут находиться под угрозой»⁸.

Беньямин начал работу над исследованием пассажей в 1927 году, то есть вскоре после возвращения из Москвы. Я не утверждаю, что между двумя этими событиями есть причинно-следственная связь и что московские впечатления подтолкнули его к исследованию Парижа середины XIX века. Но я предлагаю взглянуть на описанное Бенямином зарождение потребительской культуры как на буржуазную культурную революцию, а на предложенную им концепцию пробуждения от коллективного сна – как на альтернативную модель социалистической культурной революции. Но обо всем по порядку.

2

Как пишет Эрик Хобсбаум, в период между 1789-м и 1848 годом в Европе произошла «двойная революция». Пока во Франции буржуазия захватывала политическую власть, в Великобритании набирала обороты промышленная революция, ставшая залогом экономического могущества крупной и средней буржуазии⁹. После 1848 года капиталистическая экономика стала распространяться по всему миру и начался период, который марксисты впоследствии назовут «зрелым капитализмом».

7 См.: Бенямин В. *Московский дневник*. М.: Ад Маргинем Пресс, 2020. С. 60, 87, 128, 235–238.

8 BUCK-MORSS S. *The Dialectics of Seeing: Walter Benjamin and the Arcades Project*. Cambridge; London: The MIT Press, 1989. P. 123.

9 ХОБСБАУМ Э. *Век Революции. Европа 1789–1848*. Ростов-на-Дону: Феникс, 1999. С. 8–11.

«Это был триумф общества, которое полагало, что экономический рост основывается на конкурентоспособном частном предпринимательстве, на успехе в закупке всего на самом дешевом рынке (включая труд) и продаже на самом дорогом. Экономика, устроенная таким образом и покоящаяся на здоровых основах буржуазии, состоящей из тех, кого энергия, заслуги и ум подняли к их положению и хранили там, должна была бы, как верилось, не только создать мир с соответствующим распределением материальных благ, но и мир растущего просвещения, разума и человеческих возможностей, прогресса науки и искусств, короче, мир непрерывного и ускоряющегося материального и морального прогресса»¹⁰.

Обратите внимание на подчеркнутую Хобсбаумом веру в связь между материальным и моральным/социальным прогрессом – мы вернемся к этому, когда обратимся к беньяминовской критике буржуазной идеологии XIX века.

Именно этот период оказывается в центре внимания Бенямина в «Пассажах». В экспозе 1939 года, относящемся к поздней стадии работы над исследованием, он пишет, что большинство парижских пассажей были построены в период с 1822-го по 1837 год¹¹. Бенямин выделяет несколько факторов, сделавших возможным их появление и широкое распространение. «Первым условием их развития стал апогей, которого достигла торговля тканями» (с. 13). Велась она главным образом именно в пассажах, где стали открываться магазины модных товаров, предвосхищающие появление больших универмагов. «Второе неперемное условие для развития пассажей находится в использовании железных конструкций». Как отмечает Бенямин, в первые десятилетия XIX века «железо почти не используется в строительстве зданий, зато оно прекрасно подходит для пассажей, выставочных комплексов, вокзалов – все эти сооружения служат для переходов, перемещений» (с. 14) и – добавлю я от себя – напрямую связаны с происходившей в те годы в Европе промышленной революцией.

Но Бенямина интересует не столько история возникновения пассажей, сколько их социально-экономическая и культурная роль. Он считает, что именно в парижских пассажах начинает свое победное шествие товарная фантазмагория, которая со временем распространится по всему свету. Отталкиваясь от Марксовой концепции товарного фетишизма, Бенямин описывает, как в середине XIX века меняется отношение европей-

10 Он же. *Век Капитала. 1848*. Ростов-на-Дону: Феникс, 1999. С. 6.

11 Экспозе 1939 года представляет собой переработанную версию синопсиса, подготовленного Бенямином в 1935-м и озаглавленного «Париж, столица XIX столетия» (Бенямин В. *Париж, столица XIX века* // Он же. *Города*. М.: Ад Маргинем Пресс, 2025. С. 185–208). Об отличиях двух версий и о процессе работы над исследованием см.: Виск-Морсс С. *Op. cit.* P. 47–57; Котелевская В. *Бульварный ангел истории: к «Труду о пассажах» Вальтера Бенямина* // *Versus*. 2022. № 3. С. 162–167.

цев¹²: практическая польза перестает быть главным критерием при оценке товара, на первый план выходит его внешняя привлекательность, или «сексапильность» (с. 18). Фланируя по пассажам, разглядывая витрины с товарами, которых они часто не могут себе позволить, парижане приобщаются к этой коллективной фантазмагии. Многочисленные изобретения – вроде газового освещения, – которые используют владельцы магазинов в пассажах, позволяют еще надежнее околдовать публику. «Пассаж, – пишет Беньямин – всего лишь похотливая торговая улица, призванная будить желания» (с. 37).

Приобщение к фантазмагии товара происходит не только в пассажах, но и на ставших популярными во второй половине XIX века всемирных выставках, четыре из которых проходили в Париже (1855, 1867, 1878, 1889)¹³. В экспозе 1939 года Беньямин пишет:

«Всемирные выставки являются центрами паломничества товаров-фетишей. [...] Они содействуют идеализации меновой стоимости товаров. [...] Всемирные выставки были школой, в которой толпы, силой отстраненные от потребления, так напитываются меновой стоимостью товаров, что отождествляют себя с ними: “запрещено касаться выставленных предметов”» (с. 17).

Беньямин неслучайно говорит о школе: с его точки зрения, в пассажах и на всемирных выставках публика осваивала модели поведения, предложенные ей культурой зрелого капитализма. Далее он описывает происходящее в категориях коллективного сновидения. «Капитализм был естественным явлением, которое погрузило Европу в коллективный сон и реактивировало в нем мифические силы» (с. 409). Довольно неожиданное сравнение, ведь капитализм обычно ассоциируется с энергичной деятельностью, нацеленной на извлечение максимальной прибыли. Кроме того, утверждение в Европе капиталистической экономики и ее последующее распространение по миру было сопряжено с колоссальным ускорением темпов научно-технического прогресса и появлением технологий, изменивших темп жизни: от надежной почтовой службы, железных дорог и пароходов до радио и телефона.

Однако Беньямин доказывает, что колоссальные трансформации XIX века привели к тому, что буржуазное общество потеряло способность осознавать подлинное значение происходящих на его глазах изменений. Ослепленное достижениями прогресса, оно не замечает, какой высокой ценой куплены эти достижения (эксплуатация трудящихся и природы) и к ка-

12 О фетишизме и фантазмагии у Беньямина см.: Виск-Морсс С. *Op. cit.* P. 81–82.

13 Здесь я учитываю только выставки XIX века. Париж также принимал всемирные выставки в 1900-м и 1937 годах.

ким последствиям могут привести (нарастающие социальные противоречия, соперничество империалистических держав). Постоянная смена мод и непрекращающийся поток сенсационных новостей только сильнее убаюкивают «спящий коллектив» (с. 575) своей монотонностью – аналогичным образом путешествующий в поезде человек не просыпается от стука колес, а только сильнее погружается в сон, убаюканный мерным ритмом.

Колоссальные трансформации XIX века привели к тому, что буржуазное общество потеряло способность осознавать подлинное значение происходящих на его глазах изменений.

Вера в прогресс становится к концу XIX века гражданской религией западного человека и тоже действует как снотворное. Если развитие производственных сил неизбежно приведет к повышению уровня жизни всего общества и решит сопряженные с этим проблемы (эксплуатацию и растущее социальное неравенство), то нет никакой нужды вмешиваться в происходящее. Лучше откинуться на спинку кресла и в комфорте ожидать наступления лучшей эры. Бенъямин оговаривается, что до определенного момента понятие «прогресс» еще выполняло критическую роль, когда служило критерием оценки «тех или иных исторических изменений». Но, «как только прогресс становится характерной приметой исторического процесса *в целом*, само понятие “прогресс” предстает скорее в контексте некритического гипостазирования, чем в контексте постановки проблемы» (с. 501). Проще говоря, как только прогрессивное развитие общества, культуры и технологий из возможности превратилось в аксиому, появилось то, что мы сегодня назвали бы идеологией прогресса.

Адорно, поддерживавший Бенъямина в ходе работы над «Пассажами», тем не менее критиковал его за использование понятий «коллективное сновидение» и «коллективное сознание». Он считал, что они плохо совместимы с материалистической диалектикой. В письме от 2 августа 1935 года (включено в русское издание «Пассажей») Адорно замечает:

«Коллективное сознание было придумано лишь для того, чтобы отвлечь от подлинной объективности и ее коррелята, а именно отчужденной субъективности. От нас зависит диалектически поляризовать это “сознание” на общество и индивид, растворить, а не гальванизировать его в качестве образного коррелята товарного характера. Тот факт, что в коллективе-сновидце не осталось

различий между классами, достаточно красноречив и звучит довольно предостерегающе» (с. 948).

КОНСТАНТИН
МИТРОШЕНКОВ

КУЛЬТУРНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ
В ПАССАЖАХ...

Бак-Морс указывает, что Маркс в действительности писал о коллективном сновидении, поэтому Адорно как минимум поторопился сбрасывать со счетов предложенный Беньямином понятийный аппарат. Более того, Беньямин отдавал себе отчет в том, что описываемое им коллективное сновидение порождено буржуазным, а не пролетарским сознанием¹⁴. Об этом, по меткому замечанию Бак-Морс, красноречиво свидетельствует один из наиболее важных с методологической точки зрения отрывков из «Пассажей»:

«Экономические условия существования общества выражаются в надстройке точно так же, как переполненный желудок спящего находит в содержании сновидения, хотя, возможно, и “обусловливая” его, не свое отражение, а свое выражение» (с. 410).

Действительно, если понимать мысль Беньямина буквально, то речь в этом отрывке идет именно о господствующих классах, которые только и могут позволить себе обжорство. Однако в силу того, что в буржуазном обществе буржуазия обладает культурной гегемонией, именно ее коллективное сновидение и находит выражение в большинстве культурных продуктов, которые и исследует Беньямин. В поддержку Беньямина в его споре с Адорно можно привести цитату из «Немецкой идеологии» Маркса и Энгельса:

«Мысли господствующего класса являются в каждую эпоху господствующими мыслями. Это значит, что тот класс, который представляет собой господствующую *материальную* силу общества, есть вместе с тем и его господствующая *духовная* сила»¹⁵.

Их утверждение возвращает нас к проблеме культурной революции. Захват политической власти и переустройство экономики еще не гарантируют культурной гегемонии. Завоевание этой гегемонии, или, говоря словами Джеймисона, трансформация «коллективных субъективностей в соответствии с логикой нового способа производства», – это как раз задача культурной революции. То, что Беньямин описывает как погружение Европы в коллективный сон, по сути является культурной революцией, в ходе которой европейцы освоили новые формы поведения, предложенные им зрелым капитализмом, и, что самое главное, приняли само существование капитализма в его текущем виде как само собой разумеющийся факт.

14 BUCK-MORSS S. *Op. cit.* P. 261–262.

15 МАРКС К., ЭНГЕЛЬС Ф. *Немецкая идеология*. М.: Политиздат, 1988. С. 42.

Погружение в сон – процесс, постепенный и неосознанный: мало кто может с уверенностью назвать время, когда он заснул прошлой ночью. Что-то подобное, согласно Беньямину, произошло в середине XIX века с жителями Запада, неожиданно для себя погружившимися в коллективный сон и не проснувшимися ни в 1914-м, ни в 1929-м, ни в 1933 году. Поэтому описание процесса засыпания – лишь половина дела. Основную политическую задачу «Пассажей» Беньямин видел в том, чтобы пробудить своих современников ото сна, пока не стало слишком поздно. Именно для этого он и обратился к культурным артефактам XIX века. Как подлинно диалектический мыслитель, Беньямин намеревался извлечь утопический потенциал из самой товарной фантазмагии. Иными словами, произвести собственную культурную революцию, которая, однако, по своей динамике будет сильно отличаться от описанной им культурной революции зрелого капитализма.

3

Согласно Беньямину, товары, к поклонению которым публика приобщалась в пассажах и на всемирных выставках, не были всего лишь «опиумом для народа». В них также нашли выражение утопические мечтания буржуазного общества, не имеющие возможности реализовать себя в иной форме. «Патентованные чемоданы с внутренней подсветкой, метровые перочинные ножи или вполне легальные зонты, у которых в ручку встроены часы и револьвер», и другие новомодные изобретения несли в себе обещание, что научно-технический прогресс изменит жизнь широких масс к лучшему и откроет ворота в царство всеобщего благосостояния. Обещание осталось нереализованным, и теперь эти «вундеркинды, явившиеся на свет в павильонах всемирных выставок» (с. 203), обрели пристанище в пассажах, которые тоже со временем пришли в упадок и стали восприниматься как реликты давно минувшей эпохи. Задача исторического материалиста, как ее понимает Беньямин, состоит в том, чтобы вырвать эти предметы из пыльного небытия и показать, что в «мире вещей, отвергнутом, потерянном, заложена возможность перехода и диалектического спасения»¹⁶ (с. 208).

Чтобы понять, как именно должно происходить спасение предметов и какую роль оно призвано сыграть в пробуждении

16 В интерпретации беньяминовского проекта «диалектического спасения» предметов я следую за Сьюзен Бак-Морс (Buck-Morss S. *Op. cit.* P. 123–124). К концепции Бак-Морс обращается и Кристина Киаэр в своем исследовании советского конструктивизма и его связи с культурной революцией: КИАЭР К. *Imagine no Possessions: The Socialist Objects of Russian Constructivism*. Cambridge; London: The MIT Press, 2005. P. 38, 133–135, 182, 223–225, 247.

спящего коллектива, нужно обратиться к понятию диалектического образа, центральному для всего проекта «Пассажей». Диалектический образ возникает при столкновении момента из прошлого и момента из настоящего, не связанных причинно-следственными связями. Эти моменты представляют собой монады, в которых содержится тотальность исторического опыта своего времени¹⁷. Обращаясь к прошлому, исторический материалист не пытается исследовать все события без разбора, как сделал бы историк-позитивист конца XIX века, а выхватывает из исторического континуума те из них, что каким-то образом созвучны его или ее собственной исторической ситуации. Из перспективы 1920–1930-х, когда стало ясно, что «капитализм не умрет естественной смертью» (с. 705) и что социальные противоречия только будут нарастать, приводя в том числе к подъему фашизма во всем мире, исторический материалист может по-новому оценить значение даже самых тривиальных явлений XIX века: одновременно увидеть в них предвосхищения ужасов века XX (Беньямин сравнивает вырожденность фланера городской толпой с культом национального единства в нацистской Германии) и нереализованные возможности.

В качестве примера такого артефакта XIX века, в котором утопическое обещание неразрывно слилось с товарной фантазмагорией, можно привести все те же пассажи. Как я уже отмечал, само появление пассажей стало возможным благодаря развитию промышленности и экономики. Гуляя по пассажам, публика все глубже погружалась в коллективный сон капиталистического общества. Однако привлекательность пассажей во многом была связана с тем, что для парижан они олицетворяли изобилие и более рациональную организацию городского пространства. Неслучайно, утопический социалист Фурье, один из центральных персонажей исследования, при формулировании идеи фаланстера опирался именно на пример пассажей. Ко временам Беньямина пассажи пришли в упадок, потесненные универсальными магазинами.

«Впервые в истории, с созданием универсальных магазинов, потребители начинают чувствовать себя массой. [...] Тем самым чрезвычайно усиливается цирковой и зрелищный элемент торговли» (с. 37).

Таким образом, появление универсальных магазинов знаменует собой новый этап в развитии капитализма и его влияния на общество. И пассаж, и универсальный магазин конструируются в исследовании Беньямина как монады, то есть как самоценные

17 Полезное размышление о диалектическом образе см. в: JAMESON F. *The Benjamin Files*. London; New York, 2020. P. 219–247.

объекты, из анализа которых можно вывести все существенные черты эпохи, к которой они относятся. Столкновение этих монад и производит диалектический образ.

Хотя Беньямин, насколько мне известно, никогда прямо не писал об этом, можно заключить, что задача «Пассажей» – это конструирование множества таких монад из «исторических “обломков”, найденных и собранных в самых дальних и незаметных уголках жизни»¹⁸, и последующее использование их для создания серии диалектических образов, которые должны актуализировать историю XIX века для людей 1920–1930-х и таким образом пробудить их от коллективного сна.

Динамика пробуждения и само понятие диалектического образа заставляют вспомнить беньяминовские тезисы «О понятии истории» (1940). В этом не предназначавшемся для публикации сочинении Беньямин кратко формулирует основные положения своего исторического метода, порывающего с континуальной и прогрессистской историографией¹⁹. В подготовительных материалах к тезисам встречается такая заметка:

«Маркс говорит, что революции являются локомотивами всемирной истории. Но, возможно, дело обстоит совсем иначе. Возможно, революции есть попытка пассажиров этого поезда, то есть всего человечества, привести в действие механизм экстренного торможения»²⁰.

Как отмечает Михаэль Леви, в этом тезисе содержится критика упрощенного прогрессистского взгляда на историю, характерного для некоторых работ Маркса и Энгельса и впоследствии развитого теоретиками Второго интернационала и Сталиным²¹. Но я хотел бы обратить внимание на сходство между образами экстренного торможения и пробуждения. Чтобы пассажир поезда модерна, убаюканный стуком колес, наконец, проснулся, кто-то должен дернуть за стоп-кран. Именно эту задачу, по Беньямину, и берет на себя исторический материалист, через диалектическое преобразование «мусора истории» подрывающий веру в автоматический прогресс.

Беньямин сам сравнивает этот процесс с революцией, но речь идет скорее о революции культурной, нежели политической. Конволют N, посвященный теории познания и теории прогресса, имеет эпиграф из письма Маркса к Арнольду Руге:

18 Айленд Х., Дженнингс М. *Вальтер Беньямин: критическая жизнь*. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2020. С. 303.

19 Беньямин В. *О понятии истории* // Он же. *Учение о подобии. Медиаэстетические произведения*. М.: РГУ, 2012. С. 237–253.

20 ВЕНЗАМИН W. *Paralipomena to «On the Concept of History»* // ИДЕМ. *Selected Writings. Vol. 4: 1938–1940*. Cambridge; London: The Belknap Press, 2006. P. 402; рус. перев. по: КАПУСТИН Б. Г. *О метафоре «революции – локомотивы истории»* // Полис. 2024. № 3. С. 68.

21 Löwy M. *Fire Alarm: Reading Walter Benjamin's «On the Concept of History»*. London; New York: Verso, 2005. P. 108.

«Реформа сознания только в том, чтобы [...] разбудить мир от грез о самом себе» (с. 479). Если следовать логике Беньямина, то такое пробуждение не предшествует политическому действию (захвату власти или забастовке), но является его необходимым условием. Только осознав, что слепая вера в прогресс – это одна из фантазмагорий XIX века и что в действительности поезд модерна на всех парах мчится к пропасти, люди начнут целенаправленно бороться за альтернативное будущее.

КОНСТАНТИН
МИТРОШЕНКОВ

КУЛЬТУРНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ
В ПАССАЖАХ...

От традиционных концепций культурной революции беньяминовская материалистическая педагогика отличается тем, что предполагает не медленную и постепенную трансформацию субъективности, а резкое пробуждение сознания.

От традиционных концепций культурной революции беньяминовская материалистическая педагогика, как ее называет Бак-Морс, отличается тем, что предполагает не медленную и постепенную трансформацию субъективности, а резкое пробуждение сознания. Пробуждение должно быть резким потому, что, во-первых, все необходимые для него условия давно созрели (предшествующие эпохи уже несут в себе революционный потенциал, который только необходимо актуализировать) и, во-вторых, потому что медлить более невозможно: Беньямин, работавший над «Пассажами» в годы кризиса Веймарской республики, Великой депрессии, подъема фашистских режимов в Европе и тоталитарной трансформации СССР, лучше многих современников понимал, что ждет Европу и весь мир в ближайшем будущем.

* * *

Своим пессимизмом Беньямин выделялся на фоне других марксистов того времени. Он не верил, что «законы истории» неизбежно приведут к торжеству коммунизма, и считал необходимым решительно вмешаться в привычный ход вещей, который есть не что иное, как «перманентная катастрофа»²². Как пишет Беньямин в одном из конволютов, «понятие прогресса необходимым образом основывается на идее катастрофы; то, что он неуклонно “двигается вперед”, и есть катастрофа» (с. 496).

22 Ibid. P. 9–10.

Хотя Беньямин начал работать над тем, что впоследствии станет «Пассажами», почти сто лет назад, его размышления звучат актуально и сегодня. Капитализм не умер естественной смертью, а пережил несколько трансформаций и распространился по всему миру²³. Вера в то, что научно-технический прогресс обязательно приведет к прогрессу социальному, оказалась подорвана Холокостом и Второй мировой войной, но на темп и характер трансформаций это серьезно не повлияло. Сегодня мы живем в мире, в котором возродившаяся угроза ядерной войны соседствует со страхом, что развитие искусственного интеллекта и других технологий лишит миллионы людей рабочих мест и усилит и без того серьезный экологический кризис. Параллельно этому происходит распад прежней геополитической системы, которая – при всех своих многочисленных проблемах – обеспечивала хотя бы относительное равновесие в мире. На смену ей приходит слабо предсказуемое соперничество авторитарных и становящихся таковыми режимов, лидеры которых уже не считают нужным даже приоткрывать, что придерживаются норм международного права.

Пессимизм в отношении будущего, на который сегодня указывают многие исследователи, – понятная реакция на такое развитие событий. Материал «Politico» на эту тему имеет говорящий заголовок «Европейцы мрачно смотрят практически на все. Кто может винить их за это?»²⁴. Но пессимизм пессимизму рознь: он может как парализовывать волю к сопротивлению, так и служить инструментом политической мобилизации. «Пассажи» Беньямина и другие его сочинения 1920–1930-х дают пример революционного пессимизма, в основании которого лежит осознание, что только радикальное переустройство экономики и общества может спасти человечество от самоуничтожения. В этом заключается главный урок материалистической педагогики Беньямина, который нам только предстоит усвоить.

23 Джеймисон Ф. *Постмодернизм, или Культурная логика позднего капитализма*. М.: Издательство Института Гайдара, 2019. С. 140–141.

24 SOLLETTY M., VADLER J. *Europeans Are Gloomy About Pretty Much Everything. Who Can Blame Them? // Politico*. 2026. January 26 (www.politico.eu/article/europeans-gloomy-everything-world-donald-trump/).